

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА СЛОВА И РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ

Статья посвящена актуальной для современного глобального мира проблеме взаимосвязи языка и культуры и освещает один из ее аспектов – роль «культурного компонента» значения слова в достижении эффективности речевого общения между представителями различных культур.

Человек, будучи по своей природе существом социальным, не может жить вне связи с другими людьми: он должен советоваться, делиться мыслями, чувствами, сопереживать, искать понимания и т.д. Каналом связи с другими людьми является общение. Основной способ удовлетворения личных потребностей человека в общении – речь. Именно поэтому его называют *речевым* общением.

Речевое общение – это мотивированный живой процесс взаимодействия между участниками коммуникации, который направлен на реализацию конкретной жизненной целевой установки, протекает на основе обратной связи в конкретных видах речевой деятельности [1]. Причем суть процесса общения – не просто взаимное информирование, но совместное постижение предмета. Поэтому в каждом коммуникативном процессе реально даны в единстве деятельность, общение и познание. Полученная информация должна быть не просто принята, но и понята, осмыслена. Очевидно, это возможно лишь при условии, что знаки и, главное, закрепленные за ними значения известны всем участникам коммуникативного процесса. Человек, направляющий информацию (коммуникатор), и человек, принимающий ее (реципиент), должны обладать единой или сходной системой кодификации и декодификации. На обыденном языке это правило выражается в словах: «все должны говорить на одном языке». Тогда посредством системы языковых знаков партнеры могут повлиять друг на друга. Эффективность же общения будет измеряться именно тем, насколько это воздействие удалось. Между тем, «даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур» (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.). Совершенно особое значение данная проблема приобретает в условиях межкультурной коммуникации.

Основным элементом, в котором находит свое отражение культура, является слово. Сло-

ва связывают людей, объединяют их через общение. Слова языка как социального явления несут на себе отпечаток жизни общества, его материальной и духовной культуры. Известный русский педагог К.Д. Ушинский писал: «В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов, сложил свои мысли и чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражалась в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка; так что каждое слово языка, каждая его форма, каждое выражение есть результат мысли и чувства человека, через которые отразилась в слове природа страны и история народа» [7, с. 344]. Вспомним знаменитый, ставший хрестоматийным образцом лингвистического фольклора пример с многочисленными (по разным источникам от 14 до 20) синонимами слова *белый* для обозначения разных оттенков и видов снега в языке эскимосов. Или наличие нескольких обозначений для слова *верблюд* в арабском языке (отдельные наименования для уставшего верблюда, беременной верблюдицы и т.п.). В русском языке, по вполне очевидным причинам, есть и *пурга*, и *метель*, и *буран*, и *снежная буря*, и *вьюга*, и *поземка*, и все это связано со снегом и зимой, а в английском это разнообразие выражается словом *snowstorm*, которого вполне достаточно для описания всех проблем со снегом в англоязычном мире [6, с. 39].

«Слова – это коллективная память носителя языка, «памятник культуры», зеркало жизни нации; осваиваемое слово – ключ к образу жизни соответствующего народа, вообще ключ к знаниям; ...слово, наряду с назначением быть средством общения, накапливает и хранит информацию о постигнутом мире» [3, с. 7-8]. Слово является хранителем разнообразной информации. Содержание информации каждой лексической единицы имеет два уровня. Первый уровень – понятийный: в него включаются самые важные, существенные сведения о предмете, ответственные за его наименование. Первый уро-

вень содержания слова называется лексическим понятием. Второй уровень – непонятный, включающий в себя дополнительные сведения о предмете. Эта информация отражает внеязыковые («экстралингвистические») сведения, т.е. обслуживаемую языком культуру, и называется фоновой. Поэтому второй уровень содержания слова называется лексическим фоном.

У человека, изучающего язык, одновременно с усвоением каждой лексемы, как правило, формируется ассоциируемое с ней лексическое понятие, причем, если лексема вполне усвоена и артикулируется правильно, это отнюдь не означает, что завершилось и формирование лексического понятия, так как «слово одновременно является знаком реалии и единицей языка. Оно обозначает что-то вне языка и в то же время связано определенными отношениями с другими элементами языка» [8, с. 16].

Национально-культурная семантика присуща прежде всего безэквивалентной лексике, выражающей реалии, специфичные для данной национальной культуры (русский самовар, английский пудинг). Такие лексические единицы не имеют словарных эквивалентов в другом языке, во-первых, в силу отсутствия в общественной практике его носителей соответствующих реалий, во-вторых, из-за отсутствия в языке лексических единиц, обозначающих соответствующие понятия. Например, в английском языке кроме слова *lawyer* – «юрист, адвокат» есть еще несколько обозначений разновидностей адвокатской профессии: *attorney* – «уполномоченный, поверенный», *barrister* – «адвокат, имеющий право выступать в высших судах», *solicitor* – «солицитор (поверенный, правозаступник, консультирует клиентов, в том числе организации и фирмы; подготавливает дела для барристера, имеет право выступать в низших судах)», *counsel* – «юрисконсульт», *counsellor* – «советник», *advocate* – «адвокат высшего ранга». В русском языке этим обозначениям соответствует одно слово – *адвокат*. Двум английским словам *bank* – «берег реки» и *shore* – «берег моря» соответствует одно русское *берег*. Напротив, двум русским словам *девочка* и *девушка* соответствует одно английское *girl*. Так одному языку как бы не важно различать то, что другой язык различает.

Объективные несоответствия в лингвокультурной действительности носителей разных языков описываются учеными не только термином «безэквивалентная лексика» (Е.М. Вереща-

гин, В.Г. Костомаров, Л.С. Бархударов, Л.К. Латышев), но и некоторыми другими. Это «экзотическая лексика» или «экзотизм» (И.С. Алексеева, Н.Б. Мечковская и др.), «варваризм» (А.А. Реформатский), «ксеноним» (В.В. Кабакчи), «этнографизм», «фоновые и коннотативные слова» (С. Влахов, С. Флорин), «пробелы» или «лакуны» (Н.Б. Мечковская), «реалии» (Г.Д. Томахин).

Определенный процент понятийно-безэквивалентных слов есть во всяком национальном языке. Их качественная ценность гораздо выше, чем количество в общем лексическом фонде языка. По данным Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, в лексическом составе русского языка таких слов 6-7%. Ряд авторов говорит об их центральном месте потому, что в них отражается как история, так и современная действительность. Если, к примеру, в русскоязычном мире отсутствуют такие напитки, как виски и эль, а в англоязычном мире нет таких блюд, как блины и борщ, то данные понятия выражаются с помощью слов, заимствованных из другого языка. Это могут быть слова, обозначающие предметы национальной культуры (*balalaika, matryoshka, blini, vodka*; футбол, виски, эль), политические, экономические или научные термины (*Bolshevik, perestroika, sputnik*; импичмент, лизинг, дилер; файл, компьютер, бит). В случае заимствования в чужой язык безэквивалентные слова называют экзотической лексикой (экзотизмами). Экзотизмы и этнографизмы не столько раскрывают или толкуют чужую культуру, сколько символизируют ее. Так, слова *эсквайр, стикер, крикет, шиллинг* прочно ассоциируются с Англией; *джейлау, кишлак, арык, декханин* – это знаки среднеазиатской культуры; *сакура, гейша, икэбана, сакэ* – знаки традиционной японской культуры; *баз, курень, майдан, привада* – знаки донского казачьего быта и т.д.

Безэквивалентные слова в строгом смысле неперебиваемы, и в условиях межкультурного общения они могут стать специфическим коммуникативным барьером. Поэтому чтобы избежать различий в интерпретации слов-реалий, включенных в межкультурное речевое общение, коммуниканты должны иметь представление о культурном компоненте семантики подобного языкового материала, его культурном потенциале, стоящем за языком. Воображение участников общения по возможности должно связывать полученное слово-знак с

этнической действительностью страны и языковой действительностью народа – носителя соответствующего языка.

Поскольку нет культур абсолютно своеобразных, лексические единицы разных национальных языков могут иметь общий культурный компонент. Такие слова называются эквивалентными. Но и в словарных эквивалентах можно видеть «своеобразие края» языка. «Солнце», «небо», «земля» и другие подобные универсальные понятия будут по-разному представлены в сознании разных народов. Приведем в качестве примера некоторые пары, казалось бы, эквивалентных слов из русского и английского языков: «растворимый кофе» (отражено отличительное свойство кофе – растворимость) – «instant coffee» (термин говорит о мгновенности приготовления этого кофе); «гостиная» (комната для гостей) – «sitting-room» (комната, где можно посидеть) и т.д.

Еще более своеобразно «край» языка проявляется в группе слов, представляющих особые трудности для межкультурного речевого общения. Мы имеем в виду слова, у которых вроде бы есть иноязычный эквивалент, но реалии, которые они и их эквиваленты обозначают, имеют качественное различие. Например, переводя русское слово «суп» английским «soup», мы не столько объясняем значение этого слова, сколько вводим в заблуждение, – так различны эти реалии. Анализируя лексику подобного рода, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров вводят понятие лексического фона: совокупность знаний, сопряженных с определенным словом в данной культуре [3].

Всякое слово предметного значения ассоциативно связано с целым рядом других слов, именуемых тематическими (суп – тарелка – ложка и т.д.), что служит теоретической предпосылкой для составления словарей типа thesaurus и для выделения основной лексики для так называемых топики в практике преподавания иностранных языков. Не меньшего внимания заслуживает изучение связей слов предметного значения со словами, обозначающими действие: через них слова живут в речи (суп наливают в тарелку, едят ложкой и т.д.). Интересна способность таких слов раскрывать свою национальную специфику через их лексический фон: в этом сказывается их своеобразный «край». Русская хозяйка «режет картофель для супа», а английская может «налить суп из чайника» (to pour some soup from the kettle).

«Эквивалентные» слова различны в разных языках. Русское слово «дом» легко переводится на любой язык. Например, на английский – house. Однако русское слово «дом» шире по значению, чем слово house, так как включает и home, и building, и block of flats, и condominium, и mansion. Русское слово может быть шире по употреблению в речи (ср. «дом» в русском адресе и отсутствие слов с данным значением в английском адресе), по стилистическим коннотациям (ср. «зеленые глаза» и green eyes), по возможностям лексической сочетаемости (ср. «крепкий чай» и strong tea). Но даже в тех редких случаях, когда все эти собственно языковые моменты совпали в разных языках, не следует забывать о внеязыковых различиях, то есть о том, что различны как сами предметы и явления, так и представления, понятия о них. Это вполне естественно и закономерно, поскольку различны наши образы жизни, мировоззрения, привычки, традиции, те бесконечные и разнообразные условности, которые определяют национальную культуру в широком смысле слова. «Дом» и house – это разные виды жилища, имеющие разную социальную и культурную структуру.

Лексический фон, как и лексическое понятие – языковое явление. Они оба лежат на пересечении языка и культуры. Различная фоновая информация, стоящая за словом, подчеркивает различие культур. А это находит свое отражение в языке. Поэтому к лексическим фонам слов языка, которые бывают тесно связаны с совокупностью всех ценностей духовной культуры общества, хотя на первый взгляд кажутся лишенными национальной специфики, следует относиться очень внимательно. Незнание лексического фона приводит к многочисленным нарушениям языковой нормы, узуса речи, а то и просто к построению бессмысленных для данной культуры фраз. Постигание фоновой информации слова – важное условие его адекватного употребления в речи, так как фон отвечает за сочетаемость слова, за его тематические связи.

Рассмотрим еще некоторые примеры. Русское «письмо» и английское «letter» в понятийном плане вполне тождественны, сопоставимы. Однако в области лексического фона наблюдаются расхождения. Отличаются лексическими фонами русское слово «аптека» и американское «drug-store», «термометр» и

«thermometer» и т.д. Неодинаковым оказывается даже деление суток на части в русском и английском языках. Английское morning («утро») продолжается двенадцать часов, ровно половину суток – от полуночи до полудня. Поэтому загулявшие англичане приходят домой не в час или два часа ночи, а в час или два часа утра (one/two o'clock in the morning). Затем начинается день, но совсем не day, как перевел бы русско-английский словарь слово «день», а afternoon – послеполуденное время. Как это следует из внутренней формы слова, afternoon продолжается от полудня до пяти-шести часов, когда начинается evening – вечер, который в восемь часов сменяется короткой ночью – night. А в полночь – уже morning, «утро».

Таким образом, ясно, что ошибки в речевом общении могут быть вызваны неадекватным переносом лексического фона родного слова в другой язык. Так, last night – это «вчера вечером», а не «вчера ночью», two o'clock in the morning – «два часа ночи», а не «два часа утра». Серьезные трудности представляет простое русское слово «день», которому в английском языке соответствуют два слова – day и afternoon. Good day – это совсем не «добрый день», как можно было бы предположить по аналогии с good morning – «доброе утро» или good evening – «добрый вечер». «Добрый день» – это good afternoon, а good day употребляется только при прощании, причем звучит резко и раздраженно и может быть переведено как «разговор окончен, до свидания!».

Эквивалентность переводов на английский язык простейших слов «завтрак», «обед», «ужин» также сомнительна из-за различий в культуре. Breakfast (завтрак) существует в двух разновидностях: континентальный и английский – с устойчивым меню, скудным для русских. «Обед» – это и lunch и dinner, а «ужин» – dinner и supper.

Русское слово «бабушка» и английское grandmother – термины родства, обозначающие мать родителей. Однако это совершенно разные образы, они по-разному выглядят, различно одеваются, у них разные функции в семье, разное поведение, разный образ жизни. Русская бабушка растит внуков, ведет хозяйство, дает родителям возможность работать, зарабатывать деньги. Англоязычная grandmother путешествует, ярко одевается, старается наверстать упущенное в плане развлечений, приятного времяпрепровождения.

Национальная культура находит свое выражение в именах собственных – антропонимах и топонимах. Имя собственное обладает лексическим фоном. Оно может быть лишено лексического понятия, но его лексический фон оказывается обширным и качественно сложным. Семантические доли фона имени собственного, с одной стороны, относят его к совокупности однородных имен и, с другой, придают конкретному имени неповторимый облик, индивидуализируют его.

К антропонимам традиционно относятся имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, персонажей художественной литературы и фольклора; названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны; названия государственных и общественных учреждений и т.п. Имена собственные, как единицы языка, выступают носителями определенного национального колорита. Минимум знаний об именуемом объекте, который необходим для понимания имени в акте коммуникации, считается особым типом языкового значения. Его можно считать аналогом понятия в именах нарицательных. Однако функционирование имен в речи убедительно показывает, что их семантика не сводится к указанию на объект. Весьма существенны для функционирования имен те дополнительные сведения, ассоциации, которые в терминах лингвострановедческой теории слова называются лексическим фоном. Когда речь идет об именах собственных, актуальных в массовом быденном сознании носителей данного языка и культуры, обладающих массой различных культурно-исторических ассоциаций, в сознании говорящего и слушающего должен возникнуть образ обозначаемого именем объекта во всей полноте связанных с ним ассоциаций, общепринятых в данном этно-культурном коллективе. Например, *Иван* – это символическое имя русского, Иван Иванович и Иван Никифорович (персонажи повести Н.В. Гоголя) – двое друзей, рассорившихся из-за пустяка, английские имена Jack и Jill – парень и девушка, Simple Simon – простака, простофиля и т.п.

Топонимы – географические названия. В них, как в зеркале, отражается история народа, история заселения и освоения территории. Среди географических названий можно выделить большую группу топонимов – реалий, связанных с какими-либо событиями в жизни

народа – носителя языка и культуры и выполняющих в языке, кроме своей основной функции – наименования географического объекта – ряд дополнительных функций. В подобных случаях для адекватного восприятия того, что скрывается за географическим названием, недостаточно чисто географических познаний, необходимо также знание истории и культуры данной страны. Анализ производных от топонимов может дать ценнейший материал для понимания роли данного объекта в общественном сознании народа – носителя языка, в его истории, культуре, общественно-политической жизни и хозяйственно-производственной деятельности. Географические названия обозначают объекты, которые могут быть известны и за пределами данной страны и, как правило, имеют устоявшиеся соответствия в языках всего мира, однако ассоциации, связанные с этими объектами, являются частью национальной культуры и могут быть неизвестны за пределами данной культуры.

Итак, сопоставление русского и английского языков с учетом национально-культурного компонента вскрывает глубину различий между тем, что стоит за словами этих языков, то есть между культурными представлениями о реальных предметах и явлениях действительности и между самими предметами и явлениями. Между реальным предметом и словом, обозначающим этот предмет, стоит понятие, обусловленное культурой и видением мира данного речевого коллектива. «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее... Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение» [2, с. 349]. А это значит, что научить людей общаться (устно и письменно), научить производить, создавать, а не только понимать речь – это трудная задача, осложненная еще и тем, что общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов, один из которых – национально-культурная семантика слова.

Список использованной литературы:

1. Антон Э. Исследования проблемы речевого взаимодействия на уроке в некоторых зарубежных странах // Измерения в исследовании проблем воспитания. – Тарту, 1973. С. 154 – 170.
2. В. фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. М., 1985.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе.– М., 1980. – 342 с.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие для вузов / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
7. Ушинский К.Д. Собр. соч. – Т. 5. – М., 1949.
8. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973.